

НЕВИДИМЫЙ МАРШРУТ

ОЛЬГА ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова

Невидимый маршрут

«Автор»

2026

Ефимова О.

Невидимый маршрут / О. Ефимова — «Автор», 2026

Марина Ветрова была следователем, пока однажды не потеряла напарника — и веру в систему. Теперь она курьер. Её не замечают, не запоминают, не считают угрозой. Идеальное прикрытие для того, кто хочет забыть прошлое. Но прошлое не забывает её. Случайный заказ приводит Марину в офис, где только что умер человек. Официально — сердечный приступ. Но она замечает то, что пропустили другие: недопитая чашка с зеленоватым осадком и стеклянную ампулу с странной маркировкой. Точно такую же она видела пять лет назад — в руке своего погибшего напарника. Марина начинает собственное расследование и выходит на след могущественной корпорации, которая использует экспериментальный препарат, чтобы устранять неудобных. Смерти маскируют под естественные, свидетелей запугивают, а тех, кто копает слишком глубоко, убивают. Марина становится следующей в списке. Но она — невидимка. Курьер, которого никто не воспринимает всерьёз. И именно это делает её опасной.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девушка с коробкой	5
Глава 2. Тень на асфальте	11
Глава 3. Эфир на грани	18
Глава 4. Шахматная партия	23
Глава 5. Флешка	28
Глава 6. Открытые раны	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ольга Ефимова

Невидимый маршрут

Глава 1. Девушка с коробкой

Шесть утра. Город ещё не проснулся, но Марина уже стояла на крыльце диспетчерского пункта, втягивая сырой апрельский воздух. В руке — пластиковый стакан с остывшим кофе, на плече — потёртая сумка-планшет с брелоком в виде курьерского значка. Она смотрела на серое небо и считала, сколько заказов успеет сделать до обеда. Пять, а лучше семь, чтобы закрыть норму и успеть забрать маму из поликлиники.

— Ветрова, твой маршрут! — крикнул диспетчер из приоткрытого окна, и бумажка, запа-
янная в файл, прилетела прямо к её ногам. Марина подняла её, не глядя. Она знала этот район
наизусть: бизнес-центры, элитные новостройки, парочка государственных контор. За три года
курьерской работы она исходила его вдоль и поперёк, знала, где лифт сломается, где охран-
ник отойдёт покурить, а где секретарша всегда закажет ей чай, потому что жалеет «девушку
с коробкой». Так её называли. Никто не помнил её имени, зато все знали, что если посылка
приедет в целости, значит, её доставила та самая — быстрая, незаметная, почти призрачная.

Марина сунула бумажку в карман и направилась к своему скутеру — старенькому
«Хонде», который держался на честном слове и на её мастерстве. Она завела двигатель, прове-
рила зеркала, привычно коснулась амулета на шее — маленький металлический жетон с номе-
ром её напарника, Сергея. Она носила его каждый день вот уже пять лет, хотя все вокруг гово-
рили, что пора отпустить. Но Марина знала: отпустить не получится, пока не узнает правду.

Первый заказ был в «Био-Хим» — скучное здание с пластиковыми окнами, где размеща-
лась мелкая лаборатория по производству удобрений. Она отдала коробку с пробирками, рас-
писалась в накладной и уже собралась уходить, как заметила у стойки новенькую рекламную
листовку — «Сеть клиник "Медикор"», — и у неё кольнуло под ложечкой. Именно в этой сети
работал один из фигурантов старого дела Сергея, но тогда улики не хватило, и дело спустили
на тормозах. Она тряхнула головой, выгоняя мысли, и поехала дальше.

К десяти утра она сделала уже четыре маршрута, и на пятом, самом крупном, ей пред-
стояло доставить срочный конверт в юридическую фирму «Лекс-Консалт», занимавшую два
этажа в стеклянной башне на Покровке. Марина любила этот объект — там всегда работал
кондиционер, охранники пропускали по коду, а на ресепшене стояла кулер с мятным чаем. Но
в этот раз всё пошло не по плану.

Когда она зашла в холл, её встретила непривычная тишина. Обычно тут звенели теле-
фоны, бегали курьеры, пахло бумагой и кофе, но сейчас застыло всё, даже вентиляция гудела
приглушённо. На стойке ресепшена сидела бледная девушка с красными глазами и теребила
бейджик.

— Вы к адвокату? — спросила она, не поднимая головы.

— У меня заказ на двадцатый этаж, — Марина показала накладную. — Юридический
отдел, пакет для господина Рябова.

Секретарша вздрогнула и быстро замахала руками:

— Рябова нет. Он... его только что увезли. Скорая. Он умер. У него остановка.

Марина замерла. Ей часто попадались мёртвые заказы — в конвертах лежали уведомле-
ния о банкротствах, судебные решения, но чтобы человек умер прямо на рабочем месте... Она
взглянула на лифт, откуда как раз выезжали двое санитаров с каталкой, накрытой простынёй.
Рядом семенил немолодой врач с планшетом, что-то диктуя по телефону.

— Сердечная недостаточность, — услышала она обрывок. — Типичный случай, гипертоник.

Марина машинально попятилась, уступая дорогу, и в этот момент её взгляд упал в открытую дверь кабинета, откуда выносили тело. Внутри царил идеальный порядок: стол, кожаное кресло, стопка папок, на подоконнике — фикус. И только на тумбочке у дивана стояла недопитая чашка с чаем, и на её стенках виднелся зеленоватый налёт — какой-то осадок, которого не бывает у обычной заварки. В мусорной корзине, прижатая салфеткой, лежала маленькая стеклянная ампула с остатками прозрачной жидкости, без этикетки, но с выгравированным символом в виде двух пересекающихся линий.

Марина знала этот символ. Она видела его ровно один раз в жизни — на флаконе, который нашли в кармане Сергея после его гибели. Тогда экспертиза заключила, что это был обычный физраствор, и улику списали. Но Марина помнила: тот флакон тоже был без этикетки, с точно такими же двумя линиями.

Она сделала шаг внутрь, хотя знала, что нельзя. Её курьерская сумка цеплялась за косяк, но она подалась вперёд, наклонилась и, изобразив, будто уронила ключи, быстро подхватила ампулу салфеткой и сунула в карман. Руки дрожали. Она вышла в коридор, стараясь не бежать, и наткнулась на охранника.

— Э, девушка, вы что там делали? — спросил он подозрительно.

— Ключи уронила, — ответила она спокойно, хотя сердце колотилось где-то в горле. — А что, кабинет уже опечатывают?

— Пока нет, полиция будет только через час. Но вам лучше уйти, сейчас никого не пускают.

Марина кивнула, вышла в холл, расписалась у секретарши в приёме конверта (Рябова заменить было некому, но подпись поставила начальник отдела кадров), и, выскользнув на улицу, наконец выдохнула. Она села на скутер, но не заводила его, а просто сидела, глядя на ампулу у себя в ладони. Пластик был тёплым, но внутри что-то переливалось. Она поднесла к носу — пахло сладковатым, чуть химическим, как жидкость для мытья окон, но с примесью горечи.

«Совпадение? — спросила она себя. — Два флакона, пять лет разницы, один и тот же символ?»

Она вспомнила последний день Сергея. Тогда они вместе сидели в засаде у склада фармацевтической компании, ждали курьера с подозрительным грузом. Сергей вышел проверить машину и не вернулся. Через десять минут раздался взрыв — газовый баллон сдетонировал, как сказали в отчёте. Но Марина знала, что баллон был пуст, она сама проверяла его утром. А потом, когда разбирали обломки, нашли этот флакон у него в руке — он сжимал его так сильно, что вдавил в ладонь.

Следствие не придавало значения находке, а Марина пыталась поднять архивы, но ей отказали: дело закрыто, формулировка — «несчастный случай». Тогда она подала рапорт об увольнении и ушла, не выдержав бездействия системы. И вот теперь, спустя пять лет, она держит в руках точную копию той улики, найденную в кабинете человека, умершего при странных обстоятельствах.

«Если это не совпадение, значит, кто-то продолжает ту же линию. И Рябов — не первая жертва».

Она завела скутер и направилась не домой, а в архив. Ей нужно было проверить, не было ли за последние месяцы в этом бизнес-центре других «естественных» смертей. По дороге она прокручивала в голове слова секретарши: «Скорая, остановка, сердечник». Всё чисто, всё легально. Но почему тогда ампула оказалась в мусорке, а не в медицинском пакете? Почему её не забрали врачи?

К трём часам дня она заехала в маленькое кафе «Два клона» на окраине, где обычно встречалась с Дмитрием — единственным человеком из старой обоймы, кто ещё поддерживал с ней связь. Дмитрий работал теперь в управлении собственной безопасности при городской мэрии, но доступ к базам у него был. Она заказала чёрный чай, достала телефон и набрала его номер.

— Дим, привет. У меня к тебе странный вопрос, — начала она без предисловий.

— Марина? Ты же вроде работаешь сейчас, — голос у него был сонный.

— Работаю. Но я нашла кое-что. Слушай: в «Лекс-Консалте» умер адвокат Рябов, официально — сердечный приступ. Но я видела в его кабинете ампулу с той же маркировкой, что и у Сергея. Помнишь, ту странную, с двумя линиями?

Дмитрий замолчал, и Марина слышала, как он потягивает что-то через соломинку.

— Ты уверена? — наконец спросил он.

— Абсолютно. Я взяла её. Хочу проверить содержимое, но мне нужен доступ к химлаборатории. Твой друг из экспертного отдела ещё там?

— Он уволился год назад. Но я могу попробовать договориться с нынешним. Только дай мне время до завтра. И Марина... будь осторожна. Если это реально след, то ты съёшь голову в осиное гнездо.

— Я уже в нём, — усмехнулась она. — Завтра встретимся.

Она положила трубку, допила чай и вышла. Смеркалось. Город зажигал фонари, и тени ложились на мокрый асфальт. Марина чувствовала, как внутри поднимается то самое чувство — охотничий азарт, который она прятала последние годы. Она снова была сыщиком, и это было одновременно и страшно, и сладко.

Она поехала домой, но по пути заглянула в отделение полиции — не своё, а соседнее, где работал старый знакомый Костя. Он как раз заканчивал смену и обрадовался ей, как родной.

— Маринка, сколько лет! Ты совсем исчезла из наших краёв. Говорят, ты теперь посылки развозишь?

— Развожу, — она улыбнулась. — Слушай, Кость, а не подскажешь, кто занимался смертью Рябова из «Лекс-Консалта»?

Костя нахмурил брови, покопался в планшете и сказал:

— Да там и не было толком расследования. Участковый зафиксировал, врачи дали справку, тело отправили в морг, но вскрытие не назначали. Семья не настаивала. У мужика было больное сердце, все знали.

— А может, есть рапорт о том, что нашли что-то подозрительное?

— Нет, всё чисто. Только вот... — он замаялся. — У нас в базе есть пометка о том, что за месяц до смерти Рябов вёл какие-то переговоры с компанией «Биомед-Групп». Это производитель лекарств, но у них вроде бы лицензия в порядке. Зачем адвокату с ними встречаться — не знаю. Может, консультировал их по судебным искам.

Марина услышала это название и чуть не поперхнулась. «Биомед-Групп» — та самая компания, на которую они с Сергеем вышли в своём последнем деле. Тогда они подозревали, что через неё идёт поставка подпольных препаратов, но доказательств не нашли. И вот теперь Рябов встречается с ними и умирает через месяц.

— Кость, а можешь дать мне контакты того участкового? Я хочу поговорить с ним офлайн.

— Конечно, но он сейчас в отпуске. Давай я скину тебе его номер, а ты не говори, что я тебе дал, ладно?

— Договорились.

Она забрала номер, поблагодарила и вышла. На улице уже зажглись все огни, и она поняла, что очень устала. Но вместо того чтобы поехать домой, она свернула в переулок, где когда-то жил Сергей, и просто постояла возле его подъезда. Дом был старый, с облупившейся

штукатуркой, и из окон доносился запах жареного лука. Ей вдруг показалось, что сейчас Сергей выйдет на балкон и крикнет: «Марин, ты опять за своё?» Но балкон был пуст, только бельё сушилось на ветру.

Она вернулась в свою квартиру — крошечную «студию» на седьмом этаже хрущёвки. Включила свет, поставила на стол ампулу и долго смотрела на неё. Затем достала старую коробку из-под обуви, где хранила вещи Сергея: его значок, зажигалку, фотографии. Там же лежал тот самый флакон, запаянный в полиэтиленовый пакет. Она положила новый рядом, и они оказались идентичными — одинаковый размер, одинаковый гравировочный символ. Сомнений не осталось.

— Ну что ж, Серёжа, — тихо сказала она, — кажется, мы снова начинаем. Но теперь я одна.

Она открыла ноутбук и начала составлять список того, что знает:

Рябов — адвокат, встречался с «Биомед-Групп».

Его смерть официально — сердечная.

В его кабинете — ампула с неизвестным веществом, аналогичная той, что у Сергея.

Сергей тоже расследовал связи «Биомед-Групп».

Оба случая — пять лет разницы, но схожая маркировка.

Она решила, что завтра же, с утра, начнёт с опроса сотрудников «Лекс-Консалта». У неё есть пропуск курьера, который даёт ей доступ в здание. Её не будут подозревать, если она скажет, что хочет доставить ещё один документ или забрать подпись. Она знала, что рискует, но другого способа не было.

Перед сном она позвонила матери — та была уже в деревне у тётки, и Марина вздохнула с облегчением: значит, она в безопасности, далеко от города. Потом она проверила телефон — от Дмитрия пришло сообщение: «Завтра в 14:00 у "Ласточки" (кафе на Лесной). Жду». Она ответила: «Ок.».

Где-то в полночь она выключила свет, но не могла уснуть. В голове прокручивались картины прошлого: как Сергей учил её делать отмычки, как они брали язык у торговцев наркотиками, как он смеялся, когда она случайно испачкалась в краске на складе. И как он сжал тот чёртов флакон в последний миг. Она закрыла глаза и погрузилась в тяжёлое забытьё.

В шесть утра зазвонил будильник. Марина подскочила, мгновенно проснулась, сделала зарядку, выпила кофе и надела свою курьерскую униформу — тёмно-синюю ветровку с оранжевой полосой. Она выглядела как все, и это было её главным оружием. В семь она уже была на диспетчерском пункте, получила маршрут и настояла на том, чтобы первым заказом был именно «Лекс-Консалт». Диспетчер удивился, но списать на то, что ей нужно забрать подписанный отказ, она смогла.

В 8:30 она снова была в стеклянной башне, но на этот раз она не стала подниматься на двадцатый этаж. Вместо этого она зашла в кафе на первом этаже, заказала круассан и принялась наблюдать за людьми. Она знала, что убитый адвокат не был одинок — у него были коллеги, был ассистент, секретарь, которые могли что-то знать.

— Извините, можно вас на минуточку? — обратилась она к одной из сотрудниц, которая спустилась купить кофе. Та удивлённо обернулась.

— Я курьер, у меня был заказ на Рябова, но он, к сожалению, не смог принять. Может, вы знаете, кто занимается сейчас его документами? Мне нужно передать пакет кому-то из отдела.

Женщина вздохнула:

— Ах, Рябов... это ужасно. Мы все в шоке. Его дела теперь переданы адвокату Светлане Марковне, она сидит в соседнем кабинете, 2015. Приходите к ней после обеда, она будет на месте.

Марина поблагодарила, но не стала ждать обеда. Она поднялась на 20-й этаж, но не в кабинет Светланы, а в отдел кадров, который находился напротив. Попросила копию приказа

о приёме Рябова и его контракты — под предлогом, что ей нужно уведомить страховую компанию о смерти клиента. Секретарша доверчиво выдала ей стандартный пакет документов.

Марина схватила папку и, быстро перелистав, нашла договор, который Рябов подписал с «Биомед-Групп» ровно три месяца назад. Это был конфиденциальный договор о юридическом сопровождении, но внизу стояла странная приписка: «Переговоры по пункту 4.2 в закрытом режиме». Что это за пункт 4.2, Марина не знала, но сфотографировала все страницы на телефон.

В этот момент она услышала голоса в коридоре — кто-то спорил, и один голос показался ей знакомым. Она выглянула и увидела мужчину в тёмном костюме, который стоял у кабинета Рябова и разговаривал с уборщицей. Это был тот самый высокий, худощавый тип с дипломатом — именно его описывала уборщица в своих показаниях? Марина прищурилась, запоминая черты лица: узкий нос, очки в тонкой оправе, короткая стрижка, подтянутый вид. Он что-то толковывал уборщице, и она кивала, но выглядела испуганной.

Марина сделала вид, что ищет кабинет, и пройдя мимо, остановилась рядом с уборщицей.

— Простите, не подскажете, где здесь туалет? — спросила она как можно более беззаботно.

Мужчина недовольно покосился на неё и отошёл в сторону. Уборщица ткнула пальцем в конец коридора.

— Спасибо, — сказала Марина и последовала в туалет, но задержалась у двери, подслушивая.

— Я же говорю, ничего не трогайте, — услышала она голос мужчины. — Всё, что было на столе, упакуйте и передайте мне. Сейчас.

— А полиция? — робко спросила уборщица.

— Полиция не будет ничего искать. Это частное дело. Выполняйте.

Марина поняла: кто-то замечает следы. Если она не вмешается, все улики исчезнут. Она вышла из туалета, снова столкнулась с мужчиной и поинтересовалась:

— Вы новый начальник Рябова?

Тот уставился на неё ледяным взглядом:

— А вы кто?

— Курьер, — она показала бейджик. — У меня была посылка для Рябова, но я опоздала. Теперь её нужно передать в другой отдел. Может, вы поможете?

Мужчина взял у неё из рук папку, бегло просмотрел и отдал обратно:

— Идите к Светлане Марковне, она принимает дела. А здесь никого не беспокойте. Это место — зона частной собственности.

Он развернулся и ушёл в кабинет, закрыв за собой дверь. Марина выдохнула. Она узнала его — он был в списке доверенных лиц «Биомед-Групп». Но имени она не запомнила. Однако теперь она знала, что кто-то из той компании активно участвует в ликвидации следов.

Она быстро покинула здание, села на скутер и поехала на встречу с Дмитрием. На часах было 12:30, и она решила не ждать до двух, а приехать раньше, чтобы обсудить всё в деталях.

В кафе «Ласточка» она застала Дмитрия за ноутбуком. Он поднял голову, увидел её взволнованное лицо и сразу закрыл крышку.

— Ну что, нашла что-то?

Она выложила на стол фотографии договора, ампулы и свои записи.

— Дим, мне нужен анализ. Срочно. И ещё я видела того человека — он убирал кабинет, говорил с уборщицей. Похоже, он хочет изъять все улики. Рябова убили, я уверена. И это связано с «Биомед-Групп».

Дмитрий помрачнел.

— Хорошо, я сделаю всё возможное, но учти: если это подтвердится, ты вляпаешься серьёзно. Эти люди не остановятся перед устранением свидетелей.

— Я уже не свидетель, — твёрдо сказала Марина. — Я — ищейка. Ты же знаешь, я не успокоюсь, пока не доберусь до правды. Там был Сергей, и там же буду я.

Дмитрий вздохнул, протянул ей стакан с чаем и сказал:

— Ладно, давай по порядку. Расскажи всё с самого начала. Каждую деталь.

Она начала рассказ, не опуская ни одной мелочи. А в это время в стеклянной башне, в кабинете Рябова, мужчина в очках подошёл к столу, поднял мусорную корзину, но, не найдя там ампулы, нахмурился. Он оглядел комнату и прошептал себе под нос:

— Кто-то успел. Курьер? Она ведь точно заходила сюда. Нужно проверить её.

Он набрал номер и тихо сказал:

— У нас проблема. Кто-то из персонала забрал образец. Быстро найдите девушку-курьера, которая была здесь сегодня утром. Срочно.

Марина в это время, даже не подозревая, что её уже ищут, допивала чай и чувствовала, как холодная дрожь пробегает по спине. Она положила руку на ампулу в кармане и подумала: «Теперь назад дороги нет».

И в эту секунду у неё зазвонил телефон — номер был незнакомым. Она ответила, и голос, похожий на механический, сказал:

— Ты взяла то, что тебе не принадлежит, Марина. Верни. Иначе пострадает тот, кто тебе дорог. Твоя мама, например.

Марина побледнела, и трубка выскользнула из рук. Она посмотрела на Дмитрия, а в его глазах прочитала тот же страх, который пульсировал в её сердце.

Она знает, что за ней следят, её мать в опасности, а враг уже знает её имя. Она в игре, и ставка — жизнь близких.

Глава 2. Тень на асфальте

Телефон выскользнул из влажных пальцев и глухо стукнулся о столик, опрокинув чашку с недопитым чаем. Тёплая жидкость растеклась по скатерти, но Марина даже не пошевелилась. Она смотрела на экран, где горел незнакомый номер, и в ушах всё ещё звучал тот голос — механический, лишённый интонаций, как будто говорил синтезатор речи. *«Ты взяла то, что тебе не принадлежит, Марина. Верни. Иначе пострадает тот, кто тебе дорог. Твоя мама, например».*

Дмитрий мгновенно среагировал. Он перегнулся через стол, схватил её за запястье и с силой сжал, возвращая к реальности.

— Марина! Ты меня слышишь? Кто звонил?

Она моргнула, перевела взгляд на его встревоженное лицо и прошептала:

— Они знают про маму. Они сказали, что ей грозит опасность, если я не верну ампулу.

— Чёрт, — Дмитрий отпустил её руку и быстро набрал что-то на своём телефоне. — Сейчас попробую пробить номер. Это мог быть спам-звонок с угрозой, но если серьёзно... Мы не можем рисковать. Звони матери немедленно.

Марина дрожащими пальцами подняла трубку, нашла в контактах «Мама» и нажала вызов. Гудки тянулись бесконечно долго, сердце колотилось где-то в горле. Наконец, на четвёртом гудке раздался сонный голос:

— Аллю? Мариночка, ты чего так рано? У нас тут только восемь утра...

— Мам, ты где? Ты в порядке? — перебила Марина, стараясь говорить спокойно, но голос предательски дрожал.

— Ну, в деревне, у тёти Зои. А что случилось? Ты сама-то как? Голос какой-то странный.

— Всё нормально, мам. Просто... ты никуда не выходи сегодня, ладно? И не открывай никому дверь, даже если скажут, что от меня. Поняла?

— Что за секреты? — мать засмеялась, но в смехе слышалась тревога. — Ты опять за своё? Нашла какие-нибудь дела?

— Мам, пожалуйста, просто сделай, как я прошу. Я приеду вечером, всё объясню. Только никуда не ходи.

— Хорошо, дочка, хорошо. Я буду дома, никуда не денусь. Только ты сама береги себя.

Марина положила трубку, выдохнула, и только тогда почувствовала, как дрожат ноги. Дмитрий уже закончил возиться с телефоном и мрачно покачал головой.

— Номер виртуальный, зарегистрирован через прокси-сервер за границей. Отследить невозможно. Марина, это не просто любитель. Это те, кто знает, как замечать следы.

— Я понимаю, — она провела ладонью по лицу. — Но они правы: у меня есть то, что им нужно. Ампула. Если я её верну, они оставят маму в покое.

— И ты веришь, что они сдержат слово? — Дмитрий прищурился. — Ты же работала в полиции. Ты знаешь, что, получив образец, они избавятся и от тебя, и от твоей матери, и от любого, кто был в курсе. Единственный способ защитить её — это найти их раньше, чем они найдут нас.

Марина опустила глаза на ампулу, которая лежала в кармане её куртки. Она чувствовала её тепло через ткань, и этот маленький стеклянный предмет внезапно показался ей якорем, приковавшим её к чужой войне.

— Дим, мне нужен анализ. Сегодня. Сейчас. Если мы узнаем, что это за вещество, у нас будет рычаг. А пока они боятся, что мы узнаем, у нас есть время.

— Ладно, — Дмитрий решительно захлопнул ноутбук. — У меня есть знакомый в частной лаборатории, он работает с криминалистическими экспертизами, но за деньги. Это будет стоить дорого, но я думаю, у тебя есть сбережения?

— Есть. Бери. — она достала из кошелька карту и протянула ему. — Только быстрее. И... Дим, я боюсь, что они прослушивают мои звонки. Надо сменить телефон.

— Сделаем. Сейчас поедem в магазин, купим новый, старый оставим здесь, включённым, чтобы они думали, что ты всё ещё в городе. А сами...

— Сами поедem в деревню, к маме, — перебила Марина. — Я не оставлю её одну.

— Хорошо, но ты должна понимать: если за тобой уже следят, то мы привезём эту слежку за собой. Твоя мать окажется в ещё большей опасности.

— Значит, мы должны быть умнее. Уйдём через чёрный ход, оставим скутер у кафе, возьмём такси до окраины, а там пересядем на другой транспорт. Денег у меня достаточно.

Дмитрий кивнул, расплатился по счёту, и они быстро покинули кафе через служебный выход. На улице моросил мелкий дождь, асфальт блестел, и Марина на секунду задержалась, оглядываясь на парковку. Её старенький скутер стоял у самого входа, но она подошла к нему лишь для того, чтобы притвориться, будто что-то берёт из бардачка. Затем, незаметно для случайных прохожих, они с Дмитрием свернули в арку, пересекли два двора и вышли на соседнюю улицу, где поймали частное такси.

— В торговый центр «Европа», — сказал Дмитрий водителю, и машина нырнула в поток машин.

В торговом центре они купили два дешёвых кнопочных телефона без GPS и сменили сим-карты. Марина оставила свой старый смартфон включённым и спрятала его в камеру хранения, чтобы кто-то думал, будто она всё ещё бродит по городу. Затем, уже с новыми аппаратами, они поймали ещё одно такси, на этот раз до пригородной станции электричек.

— Это слишком сложно, — сказал Дмитрий, когда они сели в пустой вагон. — Если за нами действительно следят, то они могут быть профессионалами. Такие не ведутся на примитивные уловки.

— А мы и не должны оторваться от них надолго, — ответила Марина. — Нам нужно всего лишь несколько часов, чтобы добраться до мамы и увезти её в безопасное место. Я знаю один дом в лесу, старую сторожку, там нет связи, нет соседей. Мы отсидимся там день-два, пока я решу, что делать дальше.

— А если они уже там? — спросил Дмитрий. — Если они уже нашли твою мать?

— Тогда я убью любого, кто прикоснётся к ней, — ответила Марина тихо, но с такой сталью в голосе, что Дмитрий невольно отодвинулся.

Они молчали до самой конечной станции. Дождь усиливался, за окнами мелькали серые пятна дач и полей. Марина смотрела на пейзаж, но не видела его — перед глазами стояла та самая ампула, и она прокручивала в голове все возможные версии. Что, если это действительно новый вид токсина, который невозможно обнаружить при обычном вскрытии? Тогда смерти Рябова и других жертв не просто случайны — они системны. Но кто за этим стоит? Фармацевтический гигант, который хочет убрать неугодных свидетелей? Или кто-то внутри самой системы?

Она вспомнила договор Рябова с «Биомед-Групп» и пункт 4.2. Что там за закрытые переговоры? Может, это было условие о неразглашении какой-то информации, связанной с побочными эффектами препарата? Или это было что-то ещё более тёмное — например, контракт на ликвидацию нежелательных лиц?

Она достала свой блокнот, в котором уже начала вести расследование, и записала: *«Пункт 4.2 — ключ. Найти полный текст договора. Светлана Марковна может знать».*

Через час они добрались до деревни. Это было тихое место в два десятка домов, окружённое берёзами и соснами. Дом тёти Зои стоял на самом краю, у леса, и Марина всегда любила эту глухомань за покой и чистый воздух. Но сейчас каждый куст казался ей укрытием для снайпера, каждая машина на дороге — слежкой.

Они подошли к калитке. Марина позвонила в звонок, и через минуту из дома вышла её мать, Наталья Петровна, полная женщина лет шестидесяти с добрым лицом и седыми кудрями. Увидев дочь, она радостно всплеснула руками:

— Мариночка! А ты говорила — вечером! А уже приехала! А это кто с тобой? — она с любопытством посмотрела на Дмитрия.

— Это мой коллега, Дмитрий. Мам, нам нужно войти и поговорить. Срочно.

В доме пахло пирогами и яблочным вареньем. Тётя Зоя, сухонькая старушка, сидела у печи и вязала носок. Марина попросила всех сесть за стол и, сжав руки в кулак, начала говорить:

— Мам, тётя Зоя, слушайте внимательно. То, что я скажу, звучит страшно, но я должна вас предупредить. Меня преследуют, потому что я случайно нашла улику, которая может раскрыть несколько убийств. И эти люди знают, где мы живём. Мама, они уже звонили мне и угрожали тебе.

Наталья Петровна побледнела, а тётя Зоя отложила вязание.

— Да что ты такое говоришь, дочка! Какие убийства? Ты же ушла из полиции!

— Я ушла, но я не перестала быть сыщиком. Сергей погиб не случайно, мама. И сейчас я почти уверена, что его убил кто-то из той же компании. Я должна докопаться до правды, но сначала я должна убедиться, что вы в безопасности.

— Мы поедem в город? — спросила тётя Зоя.

— Нет. В город нельзя. Они нас найдут. Есть один дом в лесу, старый кордон лесника, там нас никто не найдёт. Я отвезу вас туда сегодня же, ночью.

Дмитрий кивнул:

— Я знаю это место, мы там когда-то выезжали на задержание браконьеров. Там действительно глушь, дороги практически нет, только лесная тропа. Но нам нужно дождаться темноты, чтобы никто не заметил нашего отъезда.

Весь оставшийся день они провели в напряжённом ожидании. Марина заперла все двери, занавесила окна и проверяла каждый шорох. Она позвонила в лабораторию Дмитрия и договорилась, что образец будет передан через курьера в условленном месте. Она не рискнула везти ампулу с собой в деревню, а оставила её в камере хранения в городе, но ключ взяла с собой. Это был её единственный козырь.

В сумерках они загрузили в старый «УАЗ» тёти Зои самые необходимые вещи, продукты и двинулись в лес. Дорога была ухабистой, фары выхватывали из темноты мокрые ветки и корни. Марина сидела рядом с матерью и держала её за руку, чувствуя, как та вздрагивает при каждой кочке.

— Мариночка, а что ты будешь делать дальше? — спросила Наталья Петровна шёпотом, чтобы не услышал Дмитрий, но и тот внимательно слушал.

— Я вернусь в город. Я найду Светлану Марковну, которая ведёт дела Рябова, и попытаюсь получить доступ к полному тексту договора. Ещё я встречу с журналистом, который готов опубликовать мои материалы, если я найду доказательства. И я выясню, что такое пункт 4.2.

— Это очень опасно, — мать сжала её пальцы.

— Знаю, мам. Но если я остановлюсь сейчас, эти люди убьют ещё много людей. И Серёжа останется неотомщённым. Я не могу жить с этим.

Дом лесника оказался небольшой, но крепкой избой с печью и запахом сухой травы. Они занесли вещи, развели огонь в печи, и Марина убедилась, что мать и тётя Зоя устроились на ночлег. Дмитрий взял на себя охрану: он сел у окна с биноклем и периодически выходил проверить окрестности.

— Я не лягу, — сказал он Марине. — Мы должны быть готовы к любому приходу. Спи пару часов, потом я сменю тебя.

Марина легла на старый матрас, но сон не шёл. Она смотрела в потолок и перебирала в уме все факты. Рябов — адвокат, умер от остановки сердца. В кабинете — ампула с неизвестным веществом. Символ на ампуле совпадает с тем, что был у Сергея. Сергей расследовал «Биомед-Групп». Рябов консультировал эту же компанию. Связь очевидна. Но кто именно заказал убийство? Глава «Биомед-Групп» — Владимир Степанович Колесников, тот самый мужчина с фотографии, которую она нашла в архиве? Или его заместитель по безопасности?

Здесь же — похожая схема: отравление, маскировка под естественную смерть, профессиональный исполнитель. Возможно, это один и тот же человек.

К двум часам ночи она провалилась в тревожный сон, где видела Сергея, идущего по тёмному складу, и он оборачивался к ней и говорил: «Марина, они не остановятся, пока ты не найдёшь пункт 4.2». Она проснулась в холодном поту, и Дмитрий, стоявший у окна, обернулся:

— Тише, там что-то есть. На дороге фонари. Кто-то едет.

Марина вскочила, схватила фонарь и прильнула к щели в ставне. Действительно, вдали, на лесной дороге, мелькали два жёлтых пятна. Машина приближалась, но она ехала медленно, как будто высматривая что-то. Марина сжала зубы.

— Дим, бери маму и тётю Зою в подвал. Быстро. А я встречу гостей.

— Ты с ума сошла?! — он схватил её за плечо. — Если это они, то у них оружие.

— А у меня есть вот что, — она вытащила из кармана маленький баллончик с перцовым газом и охотничий нож, который всегда носила с собой. — Я не собираюсь драться, я собираюсь говорить. Если они хотят ампулу, они не станут стрелять сразу. У них ещё нет гарантии, что образец у меня. Они будут вести переговоры.

— Безумный план, — прошептал Дмитрий, но всё же увёл женщин в подвал.

Марина вышла на крыльцо, зажгла фонарь и направила его на дорогу. Машина остановилась метрах в пятидесяти. Из неё вышли двое мужчин в тёмных куртках. Один из них — тот самый высокий, с очками, которого она видела в «Лекс-Консалте».

— Марина Ветрова? — спросил он, приближаясь. Голос был спокойный, даже вежливый.

— Допустим, — ответила она, стараясь говорить твёрдо. — Вы тот человек, который убирал кабинет Рябова? Вы его убили?

— Нет, я не убивал. Я всего лишь сотрудник по связям с общественностью «Биомед-Групп». Меня зовут Виктор Степанович, я пришёл за ампулой, которая вам не принадлежит. Это медицинский образец, ошибочно оставленный на месте смерти коллеги. Я прошу вас вернуть его добровольно.

— Добровольно? — усмехнулась Марина. — После угрозы моей матери? Вы думаете, я поверю, что это просто «ошибочный образец»?

— То, что я сказал по телефону, — это была предупредительная мера, — он развёл руками. — Мы не желаем зла ни вам, ни вашей семье. Но это вещество может быть опасным, и оно не должно находиться у случайного человека.

— Тогда скажите мне правду, — Марина сделала шаг вперёд. — Что это за вещество? Почему оно оказалось у Рябова? И почему такой же флакон был у моего напарника пять лет назад?

Виктор Степанович на мгновение замаялся, а затем ответил:

— Это экспериментальное снотворное. Его тестировали на некоторых пациентах, и Рябов был юристом, который курировал контракты на эти тесты. Его смерть — трагическая случайность, вызванная индивидуальной непереносимостью. А ваш напарник... — он сделал паузу, — я ничего не знаю о вашем напарнике.

— Вы лжёте, — сказала Марина, и в голосе её зазвенела ярость. — Я видела тот же символ на флаконе Сергея. Он был отравлен. И Рябов отравлен. Это не случайность. Это убийства.

Она сунула руку в карман, как будто собиралась достать ампулу, и в этот момент второй мужчина, до этого стоявший безмолвно, внезапно рванул вперёд. Марина отскочила в сторону,

ударила его баллончиком в лицо, но тот увернулся. Дмитрий выбежал из дома с охотничьим ружьём, которое нашёл в кладовке, и выстрелил в воздух. Звук оглушил лес.

— Уходите, — крикнул Дмитрий. — Следующий выстрел — в вас!

Виктор Степанович поднял руки:

— Хорошо, хорошо. Мы уходим. Но запомните: у вас есть сутки на размышление. Если ампула не будет возвращена, вы все пожалеете.

Они сели в машину и уехали, оставив за собой облако пыли и тишину.

Марина стояла, тяжело дыша, и смотрела на исчезающие фары.

— Они знают, где мы, — сказал Дмитрий. — Это место больше не безопасно.

— Да, — согласилась она. — Но теперь у нас есть ещё одна улика: он назвал себя Виктор Степанович. И он сказал, что это снотворное. Это уже кое-что.

— Ты поверила ему?

— Нет. Но он выдал себя тем, что упомянул Сергея. Я не говорила ему, что Сергей был моим напарником, а он сказал: «ваш напарник». Значит, он знал о том деле. Это прямое доказательство связи.

Они быстро собрали вещи, разбудили мать и тётю Зою и уехали из леса ещё до рассвета. Марина решила, что самый безопасный вариант — разделиться: Дмитрий отвезёт женщин в город, снимет им квартиру у своей знакомой, а она сама останется в городе, чтобы встретиться со Светланой Марковной и добыть договор.

— Я не могу рисковать вами, — сказала она матери на прощание. — Прости, что втянула тебя во всё это.

— Глупая, — мать обняла её. — Ты — моя дочь, и я всегда буду с тобой, даже если это опасно. Только обещай мне вернуться живой.

— Обещаю.

Они расстались у автобусной остановки на окраине. Марина взяла такси и поехала обратно в центр. На часах было 9 утра, и она знала, что Светлана Марковна выходит на работу к десяти. Но прежде чем отправиться в «Лекс-Консалт», она заехала в камеру хранения, забрала свой старый телефон, на котором были все фотографии и записи, и проверила, не следит ли кто за ней. Вроде бы чисто.

В десять она была у стеклянной башни. На этот раз она вошла не как курьер, а как частное лицо. Поднявшись на двадцатый этаж, она попросила секретаршу проводить её к Светлане Марковне. Та удивилась, но согласилась.

Светлана Марковна оказалась женщиной лет сорока, с острым взглядом и дорогим костюмом. Она сидела за огромным столом, заваленным папками, и подозрительно осмотрела Марину.

— Чем могу помочь?

— Я расследую смерть Рябова, — Марина села напротив без приглашения. — Я знаю, что он вёл переговоры с «Биомед-Групп». Мне нужен полный текст его договора с ними, особенно пункт 4.2.

Светлана Марковна побледнела, но быстро взяла себя в руки.

— Это конфиденциальная информация. У меня нет права разглашать её посторонним.

— Это вопрос жизни и смерти, — твёрдо сказала Марина. — Я не прошу копию, я прошу только одно предложение из пункта 4.2. Вы можете открыть договор и зачитать его вслух. Никто не узнает, что вы мне сказали.

— А если я откажусь?

— Тогда я пойду в полицию и заявлю, что вы соучастница. У меня есть улики, что Рябова убили, и что его убийство связано с этим договором. Вы не хотите оказаться под следствием, поверьте.

Светлана Марковна долго смотрела на неё, потом вздохнула, открыла сейф, достала папку и прочитала:

— «Пункт 4.2: Заказчик обязуется предоставить исполнителю полный доступ к информации о побочных эффектах препарата "Нейростат" и не разглашать её третьим лицам. В случае нарушения пункта 4.1 и 4.2, исполнитель несёт ответственность согласно приложению С».

Марина записала это слово — «Нейростат». Препарат, который, возможно, и был той самой отравой. Теперь у неё было название.

— Спасибо, — сказала она и быстро вышла из кабинета.

На лестнице она набрала Дмитрия:

— Дим, у нас есть название — «Нейростат». Проверь через свои каналы, что это за препарат, и с кем он связан.

— Сделаю, — ответил он. — Будь осторожна.

Она спустилась в холл и уже собиралась выйти на улицу, как её окликнул знакомый голос:

— Марина!

Она обернулась — это был тот самый участковый Костя, с которым она говорила накануне.

— Ты чего здесь? — спросил он.

— Работаю, — она улыбнулась. — Ты как?

— Да вот, приехал по вызову — соседняя фирма заявила о краже. А ты смотри, не влипни в историю. Тут вчера странные люди крутились у офиса Рябова. Я заметил высокого мужчину, который расспрашивал уборщиц о какой-то курьерше. У Марины похолодело внутри.

— Какой курьерке?

— Не знаю. Но они искали девушку с синей ветровкой. Ты случайно не знаешь, о ком речь?

Марина молчала. Выходит, её уже вычислили. Теперь каждый её шаг может быть под наблюдением. Она поблагодарила Костю и выбежала на улицу, села на свой скутер и поехала к дому, который сняла на подставное имя. По пути она заметила чёрный седан, который всё время держался сзади на одной дистанции.

Она свернула в переулок, седан последовал за ней. Она резко затормозила, и машина тоже остановилась. Марина вышла, подошла к водительской двери и постучала.

Опустилось стекло, и она увидела лицо Виктора Степановича.

— Вы думали, я не замечу? — сказала она. — Я дала вам слово, что верну ампулу через сутки. Ещё не прошло.

— Мы просто проверяем, что вы не пытаетесь скрыться, — улыбнулся он. — Вы не доверяете нам, мы не доверяем вам. Играем честно.

— Я не играю, — ответила Марина. — Я ищу правду. И если вы хотите получить свой образец, скажите мне честно: что такое «Нейростат»?

Виктор Степанович усмехнулся:

— Это лекарство от бессонницы. Но у него есть редкий побочный эффект — при определённых условиях оно вызывает остановку сердца. Это коммерческая тайна, которую мы пытались скрыть. Рябов узнал об этом и попытался шантажировать компанию. Его устранили. Теперь вы знаете правду. Отдайте ампулу, и мы разойдёмся миром.

— А Сергей? Он тоже узнал правду?

— Сергей был следователем, который копал слишком глубоко. Он тоже получил свою дозу, но не в том виде, как Рябов. Его смерть была несчастным случаем на производстве. Ампула у него оказалась случайно — он взял её с места преступления, не зная, что это.

Марина смотрела на него, и внутри у неё всё кипело. Он признался в убийстве Сергея. Сейчас он сидит перед ней, спокойный, уверенный, что она не может ничего сделать.

— Вы чудовище, — сказала она.

— Возможно, — он пожал плечами. — Но вы всё равно отдадите ампулу, потому что иначе ваша мать умрёт. Я не блефую, Марина. У нас есть люди, которые наблюдают за её новым убежищем. Мы знаем, где она сейчас.

Марина почувствовала, как мир закружился вокруг неё. Он знал. Он следил за матерью даже после того, как они спрятались. Откуда?

— Думаете, мы не видели, как ваш друг Дмитрий снял квартиру для вашей матери? Наивно, — усмехнулся он. — Мы всё знаем. Поэтому выбор прост: ты отдаёшь ампулу, мы даём тебе и твоей семье уйти, и мы больше никогда не встретимся. Или ты продолжаешь свою маленькую войну, и мы начинаем убирать всех, кто тебе дорог.

Марина стояла, сжимая кулаки, и в глазах у неё стояли слёзы злости и бессилия. У неё была ампула, у неё было имя препарата, но никаких доказательств, кроме её слова. И против неё стояла целая корпоративная машина с деньгами и убийцами.

Она посмотрела на часы: на размышление у неё было ещё почти двадцать часов.

— Я отдам вам её завтра в полдень, — сказала она. — Пришлите координаты места, где мы встретимся. Но если хоть кто-то приблизится к моей матери до этого времени, я разобью ампулу и вышлю содержимое во все СМИ. У меня есть копии всех разговоров и фотографии. Я не шучу.

— Договорились, — кивнул Виктор. — Завтра в 12:00, вы получите адрес.

Он закрыл стекло, и седан уехал. Марина осталась стоять на пустынной улице, под дождём, чувствуя, как внутри неё разрывается что-то важное.

Она вынула новый телефон и набрала Дмитрия:

— Дим, они знают, где мама. Они следили за тобой. Мы не можем им доверять. Я собираюсь нанести удар до завтрашней встречи. Найди мне журналиста, который готов выйти в прямой эфир с разоблачением уже сегодня.

— Я знаю такого, — ответил Дмитрий. — Но ты уверена? Это будет война с открытым забралом.

— У меня нет выбора, — сказала Марина. — Либо мы бьём первыми, либо нас уничтожат поодиночке.

Она повесила трубку и пошла в сторону метро, зная, что за ней никто не следит — по крайней мере, она на это надеялась. Но впереди был самый опасный день в её жизни, и она сжимала в кармане ключ от камеры хранения, как последний козырь.

Глава 3. Эфир на грани

Ступени метро скользили под ногами, влажные от дождя, и Марина почти бежала, перепрыгивая через две ступеньки. В ушах всё ещё звучал спокойный голос Виктора Степановича: *«Мы знаем, где она сейчас»*. Он не блефовал. Если они действительно вычислили убежище матери, значит, времени оставалось в обрез. Она знала, что ей нужно сделать: найти журналиста, который не побоится выйти в прямой эфир с разоблачением, пока у неё ещё есть рычаг давления. Но для этого нужны железобетонные доказательства — не просто её слова и одна ампула. Нужен человек изнутри.

В вагоне метро она достала новый кнопочный телефон и набрала номер Дмитрия. Тот ответил почти сразу, голос был напряжённым.

— Слушай, я договорился с журналистом, — сказал он без предисловий. — Андрей Шевченко, работает на независимом интернет-канале «Факел». У него репутация бескомпромиссного расследователя, он уже брал интервью у разоблачителей фармацевтических корпораций. Но он хочет встретиться лично, и смотреть будет только на то, что у него на руках. Марина, ты уверена, что мы можем ему доверять?

— У нас нет выбора. Дай мне его координаты. Я встречу с ним сегодня днём, а пока попробуй найти любого бывшего сотрудника «Биомед-Групп», кто знает что-то о «Нейростате». Может, есть увольнения, судебные иски, недовольные — кто угодно.

— Уже начал рыть. Я позвоню, как только что-то будет.

Она вышла из метро на станции «Кузнецкий мост» и направилась к зданию старого книжного магазина, где, по словам Дмитрия, обычно назначал встречи Шевченко. Это было укромное место — небольшая кофейня на втором этаже, где мало кто бывал днём. Она поднялась по скрипучей лестнице, заказала чёрный кофе и села за столик в углу, откуда видела вход. Через десять минут появился он.

Андрей Шевченко оказался высоким худощавым мужчиной лет сорока, с уставшими глазами и рыжеватой бородой. Он носил потёртую кожаную куртку и рюкзак через плечо. Подошёл, молча пожал руку и сел напротив.

— Дмитрий сказал, что у вас есть материал, от которого у меня волосы встанут дыбом. Я люблю такие материалы. Что у вас?

Марина огляделась, затем достала из внутреннего кармана несколько распечаток — фотографии ампулы, копию договора с пунктом 4.2, и список того, что она знала о Сергее и Рябове. Она положила всё перед ним.

— Начну с главного, — сказала она тихо, — несколько лет назад погиб мой напарник, следователь Сергей Морозов. Официально — несчастный случай на складе. Но он расследовал сеть поставок препарата «Нейростат», производимого компанией «Биомед-Групп». Вчера умер адвокат Рябов, который представлял интересы этой компании. Оба умерли при подозрительных обстоятельствах, а на месте их смерти были найдены ампулы с одинаковой маркировкой. Это не случайность.

Шевченко взял фотографию и долго рассматривал символ на стекле. Затем перелистнул договор, остановился на пункте 4.2, и его брови поползли вверх.

— «Полный доступ к информации о побочных эффектах и неразглашение». Это стандартный пункт о конфиденциальности, но он часто используется, чтобы скрыть опасные последствия. А что конкретно вы знаете о «Нейростате»?

— Мне сказали, что это лекарство от бессонницы. Но у него есть побочный эффект — в определённых дозах он останавливает сердце. Очень похоже на естественную смерть. Этим объясняются «сердечные приступы» у здоровых людей. Я думаю, что «Биомед-Групп» использовала этот препарат для устранения неудобных свидетелей. В том числе Сергея и Рябова.

— Сильные обвинения, — Андрей откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. — Где ваши доказательства? Фотография ампулы — это улика, но нужен анализ вещества. Нужен источник, который подтвердит, что препарат вызывает остановку сердца. И желательно тот, кто был внутри системы.

— У меня есть образец, — сказала Марина. — Он лежит в камере хранения. Я могу передать его в лабораторию, но для этого нужно время. А у меня его почти нет. Завтра в полдень я должна встретиться с представителем «Биомед-Групп», чтобы обменять ампулу на безопасность моей семьи. Они следят за мной и моей матерью. Я хочу ударить первой — выйти с разоблачением до этой встречи. Но мне нужен эфир.

Шевченко задумался. Он долго смотрел на Марину, затем взял телефон и набрал сообщение, не показывая ей.

— У нас есть прямой эфир в восемь вечера. Я могу выйти с материалом, если у нас будут реальные факты, а не только ваши слова. Мне нужен источник, который работал в «Биомед-Групп», или хотя бы анализ вещества, сделанный в независимой лаборатории.

— Я попытаюсь найти такого человека, — пообещала Марина. — У вас есть время до семи?

— Я подготовлю выпуск, а вы добывайте информацию. Если к семи у нас будет хоть что-то, я в прямом эфире озвучу вашу версию и потребую комментарий компании. Даже если они отвергнут, скандал уже начнётся. Но учтите, если материал окажется недостоверным, это конец моей карьеры. Так что не подведите.

— Не подведу, — твёрдо сказала она.

Они разошлись. Марина вышла из кофейни и набрала Дмитрия.

— Дим, есть кто-то из бывших сотрудников? Мне нужно срочно.

— Есть одна женщина, — ответил он. — Она уволилась из «Биомед-Групп» полгода назад, работала в отделе клинических испытаний. Живёт в пригороде. Я дам тебе адрес, но она согласилась встретиться только сегодня вечером, в шесть. Если опоздаешь, она уедет.

— Дай адрес, я сейчас поеду.

Она записала адрес и поймала такси. По дороге она смотрела в окно и пыталась успокоиться. Всё шло по плану, но она знала, что враги не дремлют. Виктор Степанович сказал, что у неё есть сутки, но это не значит, что они не будут следить за каждым её шагом. Она проверила зеркала заднего вида — вроде бы хвоста нет, но доверять этому было нельзя.

Пригород встретил её маленькими домиками и тишиной. Она нашла нужный дом — аккуратный коттедж с яблоневым садом. Женщина по имени Ирина, худая блондинка лет тридцати, открыла дверь и сразу сказала:

— Дмитрий предупредил, что вы придёте. Я согласилась поговорить, но только потому, что сама боюсь за свою жизнь. Я не хочу, чтобы моё имя фигурировало где-то. У меня маленький ребёнок.

— Я понимаю, — кивнула Марина. — Мне нужно просто несколько фактов. Вы знаете о препарате «Нейростат»?

Ирина провела её на кухню, села за стол и заговорила, нервно теребя чашку с чаем:

— «Нейростат» — это экспериментальное средство. На бумаге оно использовалось как успокоительное, но на деле мы тестировали его на пациентах с серьёзными психическими расстройствами. В отчётах мы писали, что побочных эффектов нет, но на самом деле были случаи остановки сердца. Я видела два таких случая. Их списали на другие причины, но я знала правду. Когда я попыталась заявить руководству, меня уволили под угрозой судебного преследования за разглашение коммерческой тайны.

— У вас есть документы, подтверждающие эти случаи?

— Частично. Я скопировала несколько отчётов о смертях и держу их на флешке. Но я боюсь их отдавать — если узнают, что это я, меня убьют.

— Я заплачу вам, — сказала Марина. — И обещаю, что ваше имя не появится нигде. Я передам их журналисту, который опубликует материал, ссылаясь на «анонимный источник».

Ирина поколебалась, затем встала, принесла из спальни маленькую флешку и протянула её Марине.

— Там всё: даты, имена, результаты вскрытий, которые были подделаны. Этого достаточно, чтобы начать расследование. Но будьте осторожны — они убьют меня, если узнают.

— Не узнают, — Марина сжала флешку. — Спасибо. Живите спокойно.

Она быстро ушла, хотя сердце колотилось. Теперь у неё были реальные доказательства. Оставалось только вовремя доставить их Шевченко и выйти в эфир до полуночи.

Но когда она вышла из дома, она увидела тот же чёрный седан, припаркованный в двадцати метрах. Виктор Степанович стоял у него, опираясь на капот, и улыбался.

— Я знал, что вы встретитесь с бывшим сотрудником, — сказал он спокойно. — Мы всегда знаем, куда едут наши бывшие коллеги. Ирина сейчас очень пожалеет, что дала вам эту флешку.

Марина рванула к машине, но из седана выскочили двое мужчин и перехватили её. Один ударил её по руке, выбив флешку, второй схватил за волосы.

— Мы забираем флешку, — сказал Виктор. — И предупреждаем вас в последний раз. Вы не выйдете в эфир. Мы отключаем интернет-канал «Факела» на час, чтобы вы не успели ничего передать. А если попробуете ещё раз, ваш журналист окажется в больнице.

Марина вырывалась, но сил не хватало. Ей удалось ударить одного из охранников локтем, и тот отпустил её, но второй повалил на землю. Виктор подошёл, поднял флешку, стряхнул грязь и спрятал в карман.

— Вы проиграли, Марина. Отдайте мне ампулу сейчас, и я отпущу вас. Обещаю, что ваша мать не пострадает.

— Вы обещали это и раньше, — прошипела она. — Я вам не верю.

— Как хотите. Тогда вынужден применить более жёсткие меры.

Он махнул рукой, и охранники затащили Марину в седан. Она оказалась на заднем сиденье, рядом с Виктором. Машина тронулась.

— Куда вы меня везёте?

— В одно место, где мы сможем спокойно поговорить. И где вы отдадите мне образец. У нас есть ещё несколько часов до вашей встречи с журналистом, но, как вы понимаете, я не дам вам до неё добраться.

Марина сжимала кулаки и смотрела на дорогу, пытаясь запомнить маршрут. Они выехали за город, к какому-то промышленному району, и остановились у старого заброшенного завода. Виктор вывел её, провёл внутрь, где стояла грязная мебель и пахло ржавчиной.

— Сядьте, — он указал на стул. — Вы здесь до тех пор, пока не скажете, где ампула. Мы обыскали вашу квартиру, ваш скутер, даже вашу камеру хранения, но там был только старый телефон. Где она?

Марина молчала. Она знала, что, если скажет, её просто убьют. Единственный шанс — потянуть время. Шевченко ждал её до семи, но она не появится, он начнёт искать. Может быть, он свяжется с Дмитрием.

— Я скажу, но сначала позвоните моей матери, — сказала она. — Я хочу убедиться, что она жива.

Виктор нахмурился, но достал телефон, набрал номер и включил громкую связь. Раздались гудки, потом голос матери:

— Аллю?

— Мама, это я, — крикнула Марина. — Ты в порядке?

— Да, дочка, но пришли какие-то люди, спрашивали про тебя. Дмитрий сказал мне сидеть дома и не открывать. Я боюсь.

— Всё будет хорошо, мама, — сказала Марина. — Я скоро вернусь.

Виктор отключил звонок.

— Довольны? Теперь говорите, где ампула.

Марина смотрела ему в глаза и принимала решение. Она не может отдать ампулу, иначе всё пропало. Но и сидеть здесь бессмысленно. Она должна попытаться сбежать или хотя бы выиграть время.

— Ампула у моего друга, — сказала она. — Я не скажу, у кого именно, потому что вы его убьёте. Но если вы меня отпустите, я приведу его к вам с ампулой завтра утром. И тогда мы обменяем её на мою свободу.

Виктор усмехнулся:

— Вы думаете, я поверю в эту сказку? Нет, Марина, вы останетесь здесь, пока не заговорите. Ваш журналист не получит материал, ваша мать будет под наблюдением. У нас есть время.

Он вышел, приказав охранникам запереть дверь. Марина осталась одна в холодном цеху. Она попыталась открыть дверь — заперто. Окна были высоко, под ними бетон. Она обыскала карманы — телефон остался у них. Единственное, что у неё было — это ключ от камеры хранения, который она спрятала в обуви. Но он был бесполезен без телефона.

Она села на пол, прислонилась к стене и закрыла глаза. Она думала о Сергее, о том, как он улыбался в последний день, о том, как он сжимал тот флакон. Она не имела права сдаваться. Она вспомнила все уроки самообороны, которые он давал ей, и поняла: у неё есть один шанс — дожждаться, пока охранники ослабят бдительность.

Прошло около часа. Она слышала шаги за дверью, голоса. Видимо, они обсуждали, что делать дальше. Потом раздался звонок, и через минуту дверь открылась. Вошёл один из охранников с бутылкой воды.

— Пей, — бросил он ей. — Не сдохни здесь.

Марина сделала вид, что смотрит на него, а сама заметила, что он оставил дверь открытой. Когда он повернулся, она вскочила, ударила его по затылку бутылкой и рванула к двери. Она выбежала в коридор, наткнулась на второго охранника, но успела толкнуть его и побежала к выходу. Завод был тёмным, но она помнила путь. Выскочила наружу, в темноту, и побежала к лесополосе. Сзади кричали, но она бежала, не оглядываясь.

Через полкилометра она забилась в кусты и затаилась, прислушиваясь. Погоня удалась. Она перевела дух и поняла, что у неё нет ничего — ни телефона, ни денег, ни документов. Только ключ от камеры хранения и флешка? Нет, флешку забрал Виктор. Но у неё осталась фотография на старом телефоне в камере хранения. Но чтобы забрать его, нужно было добраться до города.

Она выбралась на трассу и голосовала, но никто не останавливался. Наконец, её подобрала старая женщина на «Ниве» и довезла до окраины. Там она смогла добраться до города пешком и зашла в круглосуточный ларёк, где продавщица дала ей позвонить по стационарному телефону. Она набрала Дмитрия.

— Дим, это я. Меня похитили, но я сбежала. Они забрали флешку, но у меня ещё есть ключ и ампула. Нужно срочно найти Шевченко. Он должен выйти в эфир несмотря ни на что.

— Я с ним на связи, — сказал Дмитрий. — У него отключили интернет, но мы нашли способ — он выйдет в эфир через спутниковую связь, которую они не могут перекрыть. Встречайся со мной у старой телебашни через час. И принеси ампулу.

Марина побежала к камере хранения, успела забрать свой старый телефон и ампулу. Затем поехала к башне. На месте уже стоял Шевченко с оператором и ноутбуком.

— Время — без пяти десять, — сказал он. — Мы выходим в эфир. У тебя есть ампула и фото. Рассказывай всё, что знаешь. Я озвучу.

Марина начала говорить, и её голос был твёрдым, хотя внутри всё дрожало. Она рассказала о Сергее, о Рябове, о «Нейростате», о поддельных отчётах. Шевченко задавал вопросы, и она отвечала. Прямой эфир начался в десять вечера, и уже через пятнадцать минут его просматривали тысячи зрителей.

В конце эфира Шевченко сказал:

— Если у «Биомед-Групп» есть что ответить, пусть присылают комментарий в прямом эфире. Мы ждём.

Марина стояла в стороне, понимая, что теперь пути назад нет. Она сделала свой ход.

Через полчаса пришло сообщение на телефон Дмитрия: «Биомед-Групп» опровергает все обвинения и угрожает судом. Но также появилась информация, что прокуратура начала проверку.

Марина не знала, что будет дальше, но она сделала главное — привлекла внимание. И пока она ждала ответа, в переулке замаячила фигура Виктора Степановича, который смотрел на неё с яростью, но не решался подойти, зная, что эфир идёт.

Она улыбнулась ему через объектив камеры и сказала Шевченко:

— Я готова дать интервью в любое время. И я не боюсь.

Эфир закончился, и Марина глубоко выдохнула. Теперь всё зависело от того, насколько быстро среагирует следствие. Но она знала, что Виктор не сдастся — и следующая битва будет ещё жёстче.

Глава 4. Шахматная партия

Эфир закончился, но тишина, наступившая следом, была тяжелее любого шума. Марина стояла у старой телебашни, чувствуя, как холодный ночной ветер пробирается под куртку. Камера выключилась, оператор сворачивал оборудование, а Шевченко всё ещё смотрел в монитор, проверяя, не поступило ли каких-либо сообщений в чат прямого эфира.

— Девятьсот тысяч просмотров за час, — сказал он, не поднимая глаз. — И это только начало. Утром новость подхватят федеральные каналы. Мы сделали своё дело, Марина. Теперь мяч на их стороне.

— Ты не видел его лица, — ответила Марина, кивая в сторону переулка, где только что стоял Виктор Степанович. — Он был здесь, смотрел на меня. Он знает, что я не остановлюсь. И он не остановится.

Шевченко поднял голову и посмотрел туда, но переулок был пуст. Только фонарь мерцал, отбрасывая длинные тени на мокрый асфальт.

— Я свяжусь с адвокатами и с редакцией, чтобы подготовить юридическую защиту, — сказал он. — Если они попытаются подать в суд за клевету, у нас есть твоя ампула и свидетельство Ирины. Правда, флешку они забрали, но я успел записать на диктофон всё, что она рассказала в том эфире. Это уже весомо.

— Она в опасности, — вдруг осознала Марина. — Они знают, что она дала мне показания. Я должна предупредить её.

Она выхватила у Дмитрия телефон и набрала номер Ирины. Гудки шли долго, потом включился автоответчик. Марина оставила сообщение: «Ирина, это Марина. Немедленно покиньте дом. Они знают. Я пришлю к вам Дмитрия, он вас спрячет. Передайте мужу и ребёнку — уезжайте сейчас же».

Она отдала телефон Дмитрию и встревоженно посмотрела на него:

— Дим, поезжай к ней. Сейчас. Если они доберутся до неё раньше, мы потеряем главного свидетеля. И, возможно, она потеряет жизнь.

— А ты?

— Я останусь с Шевченко до утра. Нам нужно подготовить продолжение расследования. Я хочу найти того, кто заказывал эти убийства. Виктор — лишь исполнитель. Он просто убивает улики и запугивает свидетелей. Но кто-то стоит над ним.

Дмитрий колебался секунду, затем кивнул и быстро ушёл в сторону парковки. Марина осталась одна с журналистом и оператором. Они погрузили аппаратуру в машину Шевченко — старый универсал с побитыми боками — и поехали в его редакцию, располагавшуюся в подвальном помещении старого жилого дома. Это было убежище, защищённое от внешнего мира толстыми стенами и множеством замков.

Внутри редакция оказалась скромной: несколько столов, два компьютера, стеллажи с папками и большая карта города на стене, испещрённая пометками. Шевченко заварил крепкий чай и сел напротив Марины.

— Расскажи мне всё с самого начала, — сказал он, включая диктофон. — Не для эфира, а для себя. Я должен понять, с кем мы имеем дело.

Марина начала рассказ, но на этот раз подробнее — о том дне, когда погиб Сергей, о его дневнике, который она хранила, о флаконе с двумя линиями, о том, как она ушла из полиции, о её работе курьером, о случайной находке в кабинете Рябова. Она говорила почти час, и когда закончила, горло пересохло.

Шевченко молчал, потом откинулся на спинку стула и задумчиво произнёс:

— Это не просто корпоративный заговор. Это тщательно выстроенная система. «Нейростат» — не просто снотворное, это оружие. Кто-то использует его, чтобы убирать людей, кото-

рые угрожают бизнесу или знают слишком много. И если они так бережно хранят его существование в тайне, значит, у них есть очень влиятельные заказчики наверху. Может быть, не только в «Биомед-Групп».

— Я думала об этом, — кивнула Марина. — Рябов был адвокатом, который консультировал не только фармацевтов. Он представлял интересы нескольких крупных чиновников и даже одного депутата. Возможно, его смерть связана с кем-то из них.

— У нас есть список его клиентов? — спросил Шевченко.

— Нет, но я могу попытаться его получить. Завтра утром я снова встречу со Светланой Марковной. Теперь, после эфира, она будет напугана и, возможно, заговорит.

— Хорошо. А пока давай разберемся с тем, что у нас есть: ампула, фотографии, показания Ирины. Я пошлю образец в независимую лабораторию моих друзей в Германии — у них есть оборудование, которое может определить состав даже в микроскопических дозах. Но это займёт день-два. Нам нужно что-то, что сработает быстрее.

— У меня есть дневник Сергея, — вспомнила Марина. — Я никогда не показывала его полиции. В нём есть записи о том, что он вышел на человека, который был курьером у «Биомед-Групп» и возил образцы «Нейростата» в частные клиники. Я пыталась найти его тогда, но он исчез. Возможно, он всё ещё жив.

— Его имя?

— Он называл себя просто «Сергей» — но это не мой напарник. Другой. У него была кличка «Фармацевт». В дневнике есть его приметы и место, где он обычно работал — аптека в старом районе. Она давно закрылась, но, может быть, соседи что-то помнят.

Шевченко записал всё в блокнот и сказал:

— Завтра с утра я проверю эту аптеку. А ты отдыхай — тебе нужно набраться сил.

Марина хотела возразить, но поняла, что он прав. Она почти не спала двое суток. Она легла на старый диван в углу, накрылась пледом и провалилась в тяжёлый сон без сновидений. Разбудил её звонок мобильного телефона. Это был Дмитрий.

— Марина, я у Ирины. Всё в порядке, я вывез её и семью в безопасное место. Но когда мы уезжали, я видел чёрную машину, которая кружила возле её дома. Они уже были там. Мы ушли буквально за десять минут до них.

— Слава богу, — выдохнула Марина. — Где вы сейчас?

— В старом дачном посёлке, где у моего друга есть дом. Думаю, они не скоро нас найдут. Но ты будь осторожна. Они разъярены эфиром. Мне только что позвонил бывший коллега из полиции — сказал, что поступил заказ на проверку твоей личности и связей. Кто-то пытается найти на тебя компромат.

— Пусть ищут, — усмехнулась Марина. — У меня нет тёмного прошлого. Зато у них есть.

Она положила трубку и посмотрела на часы — было шесть утра. Шевченко уже сидел за компьютером и что-то печатал. Он обернулся:

— Доброе утро. Я нашёл кое-что интересное. В дневнике твоего напарника упоминалась аптека на улице Промышленной. Я проверил её владельца — некий Аркадий Петрович Корнеев. Он закрыл аптеку пять лет назад, сразу после гибели Сергея, и уехал неизвестно куда. Но в регистрационных документах указан его телефон. Он всё ещё активен.

— Он может быть тем «Фармацевтом», — сказала Марина. — Нам нужно с ним встретиться.

— Я уже попытался позвонить. Никто не ответил. Но я отправил сообщение с просьбой о встрече. Ждём.

Марина встала, умылась холодной водой из крана и выпила чашку крепкого кофе. Её мысли были заняты одним: она должна найти этого Корнеева до того, как его найдут убийцы.

Если он действительно был курьером, который возил образцы «Нейростата», он может знать имена заказчиков.

Они ждали до девяти утра. Наконец пришло сообщение: «Встреча сегодня в полдень на старом кладбище, у центрального входа. Приходи одна. Если увижу кого-то ещё — исчезну».

— Это же ловушка! — воскликнул Шевченко. — Кладбище, безлюдное место. Он может привести тебя прямо к убийцам.

— Или он просто очень осторожен, — возразила Марина. — Посмотри на его прошлое: он работал с опасными людьми, потом исчез. Он боится. Но если он хочет говорить, я должна идти.

— Я поеду с тобой, но останусь на расстоянии, — сказал Шевченко. — Буду следить через бинокль и, если что, вызову полицию.

Они выехали в одиннадцать. Дорога до кладбища заняла около часа. Это было старое, почти заброшенное место за городом, с покосившимися крестами и заросшими могилами. Марина вышла из машины, оставив Шевченко у ворот, и направилась к центральному входу. Ветер шелестел листвой, и было тихо — только птицы где-то вдали.

Она ждала около двадцати минут. Уже почти решила, что её обманули, как вдруг из-за старого склепа появилась фигура в тёмном плаще. Это был пожилой мужчина с седой бородой, сутулый и худой. Он приблизился, оглядываясь по сторонам, и остановился в нескольких шагах.

— Вы Марина? — голос его был хриплым, как будто он долго молчал.

— Да. Я ищу Аркадия Петровича Корнеева. Это вы?

— Я. — он снял капюшон. — Я знал, что кто-то придёт после того, как ты выступила в эфире. Я видел репортаж. Ты упоминала Сергея. Он был хорошим человеком. Мы работали вместе, пока его не убили.

— Вы знали, что его убили? — Марина почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— Знал. Я возил те самые образцы «Нейростата» в частные клиники. Мне сказали, что это просто исследования, но я видел, что происходило после введения препарата. Люди умирали. Я попытался сказать Сергею, и он начал копать. За несколько дней до его гибели он сказал мне: «Если со мной что-то случится, свяжись с этой девушкой». Он дал мне твою фотографию. Я храню её до сих пор.

Он вытащил из кармана старую потёртую фотографию — Марина на выпускном, с расчёсанными волосами, смеющаяся. У неё перехватило дыхание. Сергей хранил её всё это время.

— Почему вы не пришли раньше? — спросила она.

— Потому что они убили бы меня. Я уехал из города, сменил имя, жил в глуши. Но когда я увидел твой эфир, я понял, что ты продолжаешь его дело. Я должен помочь тебе. У меня есть список клиник и имена пациентов, которые получали «Нейростат» в тестовом режиме. Но это не всё. Я знаю человека, который координировал всю операцию.

— Кто это?

— Главный врач «Биомед-Групп» — профессор Леонид Владимирович Морозов. Он был тем, кто одобрял исследования и подписывал отчёты о побочных эффектах. Он знает всё. Но его уже несколько лет не видели — говорят, он в бегах. Если ты найдёшь его, то сможешь разрушить всю систему.

— Где он может быть?

— Я слышал, что у него есть дом в горах, в маленьком посёлке. — Корнеев дал ей записку с адресом. — Это всё, что я знаю. Дальше ты сама. И будь осторожна. Они не прощают предательства.

Марина взяла записку, поблагодарила его и уже хотела уйти, как вдруг услышала шум. Из-за деревьев выехали две чёрные машины, из которых выскочили люди с оружием. Корнеев побледнел.

— Они нашли меня! — крикнул он. — Беги!

Марина рванула в сторону, но их окружили. Она услышала выстрелы, но пули прошли мимо. Корнеев упал — он был ранен. Марина попыталась подбежать к нему, но бандиты оттолкнули её. Один из них схватил её за куртку и заорал:

— Где записка?

— Не знаю, о чём вы, — ответила она, стараясь говорить твёрдо.

— Обыщите её! — скомандовал голос сзади. Это был Виктор Степанович, который вышел из второй машины. Он подошёл к Марине, обыскал её карманы и нашёл записку.

— Ну вот, — усмехнулся он. — Теперь у нас есть и профессор. Спасибо за наводку. Вы сделали нашу работу за нас.

— Вы убьёте его? — спросила Марина, сжимая кулаки.

— Нет, мы его просто попросим сотрудничать. А вас я отпущу в этот раз, потому что у нас нет времени на возню. Но запомните: если вы ещё раз появитесь в эфире или приблизитесь к кому-то из наших людей, я лично прослежу, чтобы ваша мать исчезла навсегда.

Он развернулся, сел в машину, и они уехали, оставив Марину на кладбище с раненым Корнеевым. Она наклонилась к нему, попыталась остановить кровь.

— Держитесь, — шепнула она. — Я вызову скорую.

— Не надо, — прохрипел он. — Они меня добьют. Скажи Шевченко, чтобы он опубликовал всё, что я тебе сказал. Но без моего имени. Только факты. Пожалуйста.

Она кивнула, и он закрыл глаза. Марина набрала Шевченко, и тот вызвал скорую. Через десять минут приехала машина, и Корнеева увезли.

Марина стояла у кладбищенских ворот, глядя на удаляющуюся машину скорой помощи, и внутри неё росла ярость. Они убили Сергея, они убили Рябова, они едва не убили Корнеева, и теперь они знают о профессоре Морозове. У них есть адрес, и они доберутся до него первыми.

Но у неё была одна слабость: Виктор не знал, что она успела сфотографировать записку, прежде чем спрятать её. Теперь адрес был и у неё. Она должна была спешить.

Она села в машину к Шевченко и сказала:

— Поехали в горы. Мы должны опередить их.

— Но у нас нет оружия, нет плана, — возразил он.

— У нас есть ампула, есть дневник Сергея и есть записка. Этого достаточно, чтобы убедить профессора заговорить. Я не дам им убрать последнего свидетеля. Поехали.

Шевченко колебался, но затем кивнул и завёл мотор. Они выехали на трассу, и Марина знала, что начинается гонка на время. Она смотрела в окно на проплывающие поля и леса и думала о том, что, возможно, она едет на верную смерть. Но она не могла остановиться.

Они ехали четыре часа, пока не добрались до предгорий. Посёлок оказался крошечным, в пять домов, затерянных среди сосен. Найти дом профессора было легко — он стоял на отшибе, с табличкой «Частная территория». Марина постучала в дверь. Никто не открыл. Она толкнула дверь — она была не заперта.

Внутри было пусто, но на столе лежали свежие документы и фотография Марины, приколотая к стене. Профессор знал о ней и, видимо, уже ушёл. Но куда? Она заметила записку, приклеенную к монитору: «Они идут. Я в убежище. Следуй по тропе за домом, там есть подвал. Приходи одна».

Марина вышла и увидела тропинку, ведущую в лес. Она пошла по ней, через минуту наткнулась на люк, замаскированный под землю. Она открыла его и спустилась вниз. Там, при свете свечи, сидел профессор Морозов — пожилой, седой, с уставшим лицом.

— Вы пришли, — сказал он. — Я знал, что вы придёте. Сергей говорил мне о вас.

— Он знал вас? — удивилась Марина.

— Он знал меня как информатора. Я давал ему данные о препарате. Но когда его убили, я испугался и скрылся. Теперь я готов говорить. У меня есть все записи, все договоры, все имена. Но вы должны пообещать мне, что опубликуете их и защитите меня.

— Обещаю, — сказала Марина. — Но нам нужно уходить. Они уже близко.

В этот момент раздался гул двигателей — несколько машин приближались к дому. Марина и профессор переглянулись.

— У нас нет времени, — сказал профессор. — Я передам вам флешку с данными, а сам попытаюсь уйти через другой выход. Встретимся в городе.

Он передал ей флешку и побежал в глубь подвала. Марина вылезла наружу, врезалась в кусты и побежала к машине Шевченко. Она успела прыгнуть в салон, и они рванули с места, когда из леса выехали чёрные машины.

— Они нас догонят, — крикнул Шевченко.

— Тогда не дай им догнать, — сказала Марина, сжимая флешку в руке. — У нас есть всё, что нужно. Теперь главное — довезти это до редакции.

Погоня длилась почти час, но Шевченко виртуозно уходил по узким горным дорогам. Наконец они оторвались и выехали на шоссе.

Марина смотрела на флешку и понимала, что теперь у неё есть ключ к разоблачению всей сети. Но впереди — ещё много опасностей.

Глава 5. Флешка

Горный серпантин остался позади, и машина Шевченко вылетела на федеральную трассу, оставляя за собой облако пыли и рев двигателя. Марина сидела, вцепившись в ремень безопасности, и смотрела в зеркало заднего вида — чёрные машины исчезли из виду, но она знала, что это лишь временная передышка. Флешка, которую ей передал профессор Морозов, лежала у неё в кармане, и пальцы то и дело сжимались вокруг неё, как вокруг спасительного талисмана.

Шевченко гнал так, что стрелка спидометра перевалила за сто пятьдесят. Он молчал, сосредоточенно глядя на дорогу, но Марина видела, как дрожат его руки на руле — адреналин всё ещё бурлил в крови.

— Думаешь, они нас потеряли? — спросила она, когда они проехали пост ДПС и он сбросил скорость до разрешённой.

— Надеюсь, — ответил он, не поворачивая головы. — Но они знают, куда мы направляемся. Редакция — первое место, которое они будут проверять. Нам нужно сменить локацию.

— У меня есть старая квартира Сергея, — сказала Марина. — Она пустует уже пять лет, но я сохранила ключи. Там есть интернет, и никто не знает об этом месте, кроме меня. Мы можем спрятаться там.

— А если они прослушивают твой телефон?

— Я думала об этом. Дмитрий дал мне новый кнопочный телефон, без GPS, без приложений. Единственный номер, который в нём есть — его. Но до профессора я могу дозвониться только через него.

Она достала телефон и набрала Дмитрия. Тот ответил на втором гудке.

— Марина? Ты в порядке? Я слышал новости — кто-то стрелял на кладбище. Это был ты?

— Да, Дим. Но я жива. Корнеев ранен, его увезли в больницу. Я успела встретиться с Морозовым, он дал мне флешку. Но за нами охотятся. Мы едем на старую квартиру Сергея. Скажи мне, что с моей мамой?

— Она в безопасности. Я перевёз её в другое место, о котором даже твои враги не знают. Тётя Зоя тоже там. Но Марина, у меня плохие новости: полиция начала проверку по заявлению «Биомед-Групп». Они утверждают, что ты украла коммерческую тайну и распространяешь ложные сведения. Тебя могут задержать в любой момент.

— Пусть задерживают, — усмехнулась Марина. — У меня есть доказательства, которые всё изменят. Я позвоню тебе, когда мы разберёмся с флешкой.

Она отключилась, и они свернули в сторону спального района. Квартира Сергея находилась в старом панельном доме на окраине. За пять лет там никто не жил, но Марина иногда заезжала, чтобы проветрить и проверить, не вскрыли ли дверь. Ключи всё ещё подходили, и они вошли внутрь, в пыльную тишину.

Обстановка была скромной: старый диван, книжный шкаф, стол, на котором стоял фотографией Сергея в рамке. Марина подошла, провела пальцем по стеклу и вздохнула. Сейчас было не время для воспоминаний. Она достала ноутбук Шевченко, подключила флешку, и на экране появилась папка с пометкой «Нейростат. Полные данные».

Шевченко сел рядом, и они начали просматривать файлы. Это было настоящим сокровищем: сканы договоров с клиниками, списки пациентов, отчёты о вскрытиях, электронная переписка между профессором Морозовым, главой «Биомед-Групп» Владимиром Колесниковым, и несколькими высокопоставленными чиновниками, чьи фамилии Марина узнала с первого взгляда — один из них был депутатом, другой — главой управления здравоохранения.

— Боже мой, — выдохнул Шевченко. — Это не просто корпоративное мошенничество. Это государственный заговор. Они использовали препарат, чтобы устранять неудобных —

политических оппонентов, журналистов, следователей, которые копали слишком глубоко. И Сергей был в списке.

— Покажи, — потребовала Марина.

Он открыл документ под названием «Целевой список», и там, среди десяти фамилий, она увидела имя Сергея Морозова, а напротив дата его гибели и пометка: «Исполнено. Причина — несчастный случай». Рядом — фамилия Рябова и ещё двух человек, о которых Марина не знала.

— Это приговор, — прошептала она. — Они вели список, как в бухгалтерской книге.

— И они не остановятся, — добавил Шевченко. — Если мы опубликуем это, они пойдут на всё, чтобы нас уничтожить.

— Тогда мы должны опубликовать это быстро, чтобы они не успели. Когда может состояться следующий эфир?

— Прямо сейчас. Я связался с технарями, они подключат нас через защищённый канал. Но нам нужно будет уйти отсюда сразу после эфира — они вычислят IP-адрес.

— У нас есть пара часов, — сказала Марина. — Давай готовить материал.

Они работали как одержимые: Шевченко монтировал видео, вставлял сканы документов, готовил текст для ведущего. Марина помогала, сортируя файлы и выписывая ключевые цитаты. Она чувствовала, что время утекает, и каждый раз, когда за окном проезжала машина, вздрагивала.

В какой-то момент её телефон зазвонил — номер был незнакомым. Она не хотела отвечать, но интуиция подсказала, что это может быть профессор. Она нажала «принять».

— Марина? — голос был тихим, срывающимся. — Это Морозов. Я выбрался из убежища, но они меня преследуют. Я не могу добраться до города. Мне нужно, чтобы вы прислали кого-то на старую станцию метро «Речной вокзал». Я буду ждать на платформе. Пожалуйста, поторопитесь.

— Я пришлю Дмитрия, — сказала она. — Держитесь.

Она немедленно набрала Дмитрия и объяснила ситуацию. Тон у того был встревоженный:

— Я выезжаю. Но если это ловушка... Марина, ты уверена, что это он?

— Голос его, я узнала. И он сказал то, что знает только он. Поезжай, Дим. У нас нет времени.

Отключившись, она вернулась к работе. Через час материал был готов. Шевченко связался с оператором, и они договорились о прямом включении через защищённую спутниковую связь. В эфире должны были быть показаны документы, показания профессора (записанные на диктофон во время их встречи) и Марина в качестве эксперта-свидетеля.

Но за десять минут до начала эфира пришло сообщение от Дмитрия: «Я на месте. Профессора нет. Жду». Через пять минут ещё одно: «Он пришёл, но ранен. Я везу его в больницу. Слишком много крови, он теряет сознание. Говорит, что важные данные на флешке, и чтобы ты выходила в эфир немедленно».

Марина переглянулась с Шевченко. Время было на исходе.

— Начинаем, — сказал он.

Экран загорелся, и пошла заставка канала «Факел». Шевченко начал выпуск, представившись и объявив о сенсационном расследовании. Он показывал документы, называл имена, перечислял факты. Марина сидела рядом, готовая выступить, когда в кадре появилась она.

— Я была следователем по особо важным делам, — сказала она в камеру, и голос её звучал твёрдо. — Я видела, как система прикрывает преступления. Этот случай — не исключение. «Биомед-Групп» и их партнёры в правительстве использовали препарат «Нейростат», чтобы убивать людей, которые мешали их бизнесу. У нас есть доказательства. Мы предоставим их в прокуратуру и Следственный комитет.

Эфир шёл около пятнадцати минут. Зрители начали массово оставлять сообщения в чате, требования комментариев, угрозы в адрес компании. Марина знала, что это только начало.

Но вдруг связь прервалась. Экран потемнел, и Шевченко выругался.

— Нас глушат! Они нашли нас! Быстро, собирайся, уходим!

Они схватили ноутбук, флешку и рванули к выходу, но в подъезде уже были шаги. Марина успела захлопнуть дверь, закрыть её на все замки и отодвинуть шкаф к входу. Они затаились, прислушиваясь. Шаги стихли, затем раздался стук в дверь.

— Марина, откройте, — голос был спокойным, но властным. Это был Виктор Степанович. — Вы всё равно не сможете выйти. Нас здесь шестеро. Отдайте флешку и ноутбук, и я оставлю вас в живых.

— Ни за что, — крикнула Марина через дверь. — Вы проиграли. Эфир уже вышел в запись, тысячи людей видели документы. У вас ничего не осталось.

— Вы наивны, — усмехнулся он. — Наши люди в прокуратуре уже работают. Они признают эти материалы фальшивками. А вас арестуют за клевету. Вы будете сидеть в тюрьме, пока ваша мать будет ждать вас на свободе. Или вы можете отдать мне флешку и уехать из страны. Я дам вам деньги, новые документы, безопасность.

— Я не торгуюсь с убийцами, — сказала она. — Идите отсюда, пока я не вызвала полицию.

— У вас нет связи, — сказал он. — Я глушил сигнал. Вы отрезаны от мира. Но у вас есть пять минут, чтобы подумать.

Марина отошла от двери и взглянула на Шевченко. Тот смотрел на неё с отчаянием.

— Что будем делать? — спросил он шёпотом.

— Мы будем ждать, — ответила она. — Дмитрий знает, где мы, он придёт. У него есть ключи от этой квартиры. Нам нужно только продержаться до его прихода.

Они убрали шкаф и приготовились. Марина взяла в руки старую кочергу от камина, Шевченко — табуретку. Прошло три минуты, пять. За дверью слышалось перешёптывание, потом металлический звук — они пытались вскрыть замок.

— Не поддавайтесь! — крикнула Марина. — Я застрелю любого, кто войдёт! Но у неё не было оружия. И она знала, что, если они войдут, их двоих против шестерых — шансов нет.

Вдруг раздался грохот и крик. Чья-то борьба в коридоре. Марина прильнула к глазку и увидела, как Дмитрий, вооружённый, заходит с лестницы и вырубает одного из охранников. За ним следом ещё двое — из полиции, как она поняла.

— Сдавайтесь! — закричал Дмитрий. — Это полиция!

Виктор Степанович мгновенно оценил ситуацию, но не сдался. Он попытался убежать через чёрный ход, но полицейские его перехватили. Через несколько секунд его скрутили.

Марина открыла дверь и вышла. На полу лежали двое охранников, остальные разбежались.

— Дим, как ты нас нашёл?

— Я отследил твой старый телефон, — сказал он, улыбаясь. — Ты думала, я оставлю вас без связи? У меня есть свои уловки.

— А как полиция?

— Это не полиция, — усмехнулся он. — Это мои старые коллеги из частного агентства. Я им заплатил. Но сейчас мы должны уйти — по-настоящему.

Они быстро покинули квартиру, оставив задержанных на попечение охранников. Марина, Шевченко и Дмитрий сели в машину и уехали.

— Профессор в больнице, — сказал Дмитрий. — Он выживет, но ему нужно несколько недель на восстановление. Он передал ещё один пакет документов — я отдал его в надёжные руки.

— А что с КВ?

— Корнеев жив, но в реанимации. С ним будет всё хорошо.

Марина выдохнула и посмотрела в окно. Утренний город просыпался, и ей казалось, что всё это — сон. Но флешка была у неё, эфир состоялся, и враг был повержен.

— Теперь осталось только дождаться официального расследования, — сказала она. — И наконец похоронить Сергея по-человечески.

Но она знала, что впереди — ещё много работы. Она сжала в руке телефон и улыбнулась, понимая, что сделала первый шаг к правде.

Глава 6. Открытые раны

Машина Дмитрия нырнула в туннель подземного паркинга жилого комплекса «Аквамарин», и свет фар выхватил из темноты бетонные стены с потеками влаги. Это был не тот район, где обычно останавливались такие, как они — элитный комплекс с собственной охраной и системой распознавания номеров. Дмитрий припарковался на гостевом месте, заглушил двигатель, и в наступившей тишине стало слышно, как тяжело дышит Шевченко на заднем сиденье.

— Выходим, — сказал Дмитрий, оглядываясь по сторонам. — Здесь безопасно. Квартира оформлена на подставное лицо, никаких связей с нами. Но долго оставаться нельзя — у них есть глаза и в таких местах.

Они поднялись на лифте на седьмой этаж. Квартира оказалась стерильно чистой, безликой — мебель из ИКЕА, белые стены, никаких личных вещей. Дмитрий включил ноутбук, проверил соединение и жестом показал, что можно говорить.

Марина рухнула в кресло и закрыла глаза. Адреналин схлынул, оставляя после себя только пустоту и дрожь в коленях. Она вспомнила лицо Корнеева, искажённое болью, его хриплый голос: *«Они меня добьют»*. Вспомнила профессора Морозова, сидящего в подвале при свете свечи, и его уставший, но решительный взгляд. Она вспомнила Сергея — его смех, его руки, сжимающие ту самую ампулу. И поняла, что не может остановиться. Не сейчас.

— Дим, как там профессор? Ты говорил, он в больнице. Какая именно? Насколько серьёзно?

— Городская клиническая № 4, — ответил Дмитрий, наливая себе кофе из термоса. — Ранение в плечо, пуля прошла навывлет, задела кость. Операция прошла успешно, но он ещё не приходил в сознание. Я оставил своих людей у палаты. Никто не подойдёт.

— А Корнеев?

— Тяжелее. Три пули, одна в живот. Врачи говорят, что шансы пятьдесят на пятьдесят. Он в реанимации, за ним тоже следят.

Шевченко сидел за столом, перебирая файлы на ноутбуке. Он поднял голову и сказал:

— Эфир разошёлся по всем платформам. Более двух миллионов просмотров за последние три часа. Комментарии — шквал. Мне уже позвонили из трёх федеральных каналов, просят эксклюзивное интервью. Я сказал, что мы дадим комментарий после того, как получим официальный ответ от прокуратуры.

— Прокуратура уже работает? — спросила Марина.

— Да. Мне пришло уведомление, что возбуждено уголовное дело по статье 105 УК РФ (убийство) и 159 (мошенничество в особо крупном размере). Но есть нюанс, — Шевченко замялся. — Следователь, который назначен на это дело, — некто капитан Борис Громов. И я проверил его досье. Три года назад он был в составе группы, которая закрыла дело о контрабанде препаратов, связанное с «Биомед-Групп». Тогда всё спустили на тормозах.

— Он может быть куплен, — сказала Марина, сжав кулаки. — Или запуган. Так нельзя. Мы должны быть уверены, что он будет работать честно.

— У меня есть контакт в Следственном комитете, — вмешался Дмитрий. — Старый друг, полковник Родионцев. Он знает меня много лет, я доверяю ему. Если я передам ему все материалы и объясню ситуацию, он может взять дело под личный контроль.

— А Громов?

— Громов будет формально вести, но Родионцев будет надзирать. Это наше единственное решение.

— Хорошо, — кивнула Марина. — Сделай это. Но до того, как мы передадим материалы, я хочу убедиться, что на флешке нет ничего, что может скомпрометировать нас или наших свидетелей.

Она села за ноутбук и начала просматривать файлы один за другим. Документов было сотни: счета, договора, электронные письма, отчёты. В одном из файлов она наткнулась на папку «Персонал», и внутри — анкеты на всех сотрудников «Биомед-Групп». Она быстро прокручивала, пока не наткнулась на знакомое лицо.

Виктор Степанович Крылов — так полностью звали её преследователя. В анкете было указано, что он работает в отделе безопасности с 2018 года, но до этого служил в спецподразделении МВД, затем работал в частном охранном агентстве. В графе «Рекомендации» стоял только один человек — Владимир Колесников, генеральный директор «Биомед-Групп». Никаких других контактов, никакого семейного положения. Одиночка.

— Крылов, — прочитала она вслух. — Его фамилия Крылов. Интересно, он был тем, кто лично исполнял убийства, или только координировал?

— Судя по документам, он был связующим звеном, — сказал Шевченко. — Он получал приказы от Колесникова и передавал их исполнителям. В нескольких письмах есть прямые указания — «провести санитарную обработку объекта», «устранить источник утечки». Это эвфемизмы убийств.

— У нас есть его прямые распоряжения?

— Да. Три письма, адресованных неким «чистильщикам», с указанием дат, мест и способов. Рябов, Сергей и ещё один журналист, который погиб в прошлом году — их фамилии в списке. Крылов подписывал их и отправлял через зашифрованную почту. Я уже сделал скриншоты.

Марина почувствовала, как внутри поднимается холодная ярость. Она смотрела на фото Виктора в анкете — спокойное, почти безразличное лицо, очки, аккуратная причёска. И думала о том, что этот человек вёл двойную жизнь: днём — вежливый сотрудник корпорации, ночью — убийца. И он был рядом с ней, говорил ей о безопасности её матери, угрожал, а она не могла ничего сделать.

Но теперь у неё было его имя, его следы, его приказы. Она сжала пальцы в кулак и сказала:

— Мы должны найти Колесникова. Если он заказчик, то именно он — главная цель. Без него вся система рухнет. Где он может быть?

Дмитрий открыл другое приложение на своём телефоне и показал ей карту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.